

Азбука
PREMIUM

К Н И Г И
ДАФНЫ ДЮМОРЬЕ
в серии
«Азбука Premium»:

ПТИЦЫ
и другие истории

СИНИЕ ЛИНЗЫ
и другие рассказы

РАНДЕВУ
и другие рассказы

БЕРЕГА
Роман о семействе Дюморье

НЕ ПОЗЖЕ ПОЛУНОЧИ
и другие истории

ТРАКТИР «ЯМАЙКА»
МОЯ КУЗИНА РЕЙЧЕЛ

ГОЛОДНАЯ ГОРА
КОРОЛЕВСКИЙ ГЕНЕРАЛ

БОГЕМА

ПОЛЕТ СОКОЛА

ДУХ ЛЮБВИ

ЗАМОК ДОР
ПРОЩАЙ, МОЛОДОСТЬ

ДОМ НА БЕРЕГУ

ФРАНЦУЗОВ РУЧЕЙ

ХРУСТАЛЬНЫЙ КУБОК,
или СТЕКЛОДУВЫ

ДАФНА ДЮМОРЬЕ

Хрустальный
или кубок,
Стеклодувы

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Д 96

Daphne du Maurier
THE GLASS-BLOWERS
Copyright © Daphne du Maurier, 1963
All rights reserved
This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency LLC.

Перевод с английского Вероники Салье
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Ильи Кучмы

Дюморье Д.

Д 96 Хрустальный кубок, или Стеклодувы : роман / Дафна Дюморье ; пер. с англ. В. Салье. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 432 с. — (Азбука Premium).

ISBN 978-5-389-10708-3

«Хрустальный кубок, или Стеклодувы» — это захватывающая семейная сага, в основу которой легла история предков Дафны Дюморье. Эпоха Великой революции с ее мятежами и бунтами, свободой и насилием, бросающая близких людей по разные стороны баррикады и заставляющая проявлять человечность или бездушие, показана сквозь призму жизни нескольких поколений французских стеклодувов. Книга вышла в свет в 1963 году — Дафна Дюморье к этому времени была на пике славы. Уже опубликованы и стали мировыми бестселлерами «Ребекка» и «Моя кузина Рейчел», успехом пользуются и другие романы и рассказы Дюморье, включая знаменитых «Птиц». Написано несколько романизированных биографий («Джеральд», «Берега», «Мери Энн»), в которых, как и в «Хрустальном кубке», Дафна Дюморье обращается к истории своей семьи. Погружаясь в эпоху былых времен, исследуя характеры и судьбы, автор распутывает таинственные нити, которыми настоящее связано с прошлым.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-10708-3

© В. М. Салье, перевод, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

Часть первая КОРОЛЕВА ВЕНГЕРСКАЯ

Глава первая

«Если выйдешь замуж за стеклодела, — предупреждал Пьер Лабе мою мать, а его дочь Магдалену в 1747 году, — тебе придется распрощаться со всем, к чему ты привыкла, и войти в совершенно иной мир».

Ей было двадцать два года, а ее будущему мужу, Матюрену Бюссону, мастеру-стеклодуву из соседней деревни Шеню, — на четыре года больше, и они были с детских лет влюблены друг в друга. Это случилось с ними в первую же встречу, и с тех пор ни он, ни она ни разу не посмотрели ни на кого другого. Мой отец, сын купца, торговавшего стекольным товаром, осиротел в раннем возрасте и был взят вместе с братом Мишелем в подмастерья на стекольную мануфактуру, известную под названием Брюлоннери, в Вандоме, что между Бюлу и Виль-о-Клерком. Оба брата оказались весьма смышленными, и мой отец, Матюрен, быстро выдвинулся, получил звание мастера-гравировщика и стал работать под началом самого Робера Броссара, хозяина мануфактуры, который принадлежал к одной из четырех знаменитых фамилий мастеров-стеклоделов во Франции.

«Я не сомневаюсь, что твой Матюрен Бюссон добьется успеха в любом деле, которым пожелает заняться, — продолжал Пьер Лабе, который сам был бальи¹ в Сен-

¹ *Бальи* — в дореволюционной Франции королевский чиновник, исполнявший судебные и административные функции.

Кристофе и следил за соблюдением законов в своем округе; словом, занимал достаточно высокое положение. — Он надежный, работающий человек и отличный мастер своего дела. Но то, что он собирается взять жену со стороны, а не из своей общины, есть нарушение традиции. И тебе будет трудно приспособиться к их образу жизни».

Отец знал, о чем говорит. И дочь тоже это знала. Она не боялась. Мир стеклоделов весьма своеобразен. У него свои законы, свои правила и обычаи, особый язык, передаваемый не только от отца к сыну, но и от мастера к подмастерью и возникший бог знает как давно в тех местах, где стеклоделы основывали свои мануфактуры — в Нормандии, в Лорени, на Луаре, — но всегда, разумеется, в лесах, ведь лес — это пища для плавильной печи, самая основа существования стеклоvarни.

Законы, обычаи и привилегии, существовавшие в замкнутом мире стеклоделов, соблюдались даже строже, чем феодальные права аристократии; в них к тому же было больше справедливости и больше здравого смысла. Это был поистине замкнутый круг, тесная община, в которой каждый человек, будь то мужчина, женщина или ребенок, точно знал свое место, начиная от хозяина, который работал бок о бок со своими рабочими, наравне с ними, носил точно такую же одежду, но являлся в то же время господином и повелителем для всех остальных, и до шести-семилетнего ребенка, который был на подхвате, выходил на работу со взрослыми, дожидаясь того времени, когда сможет занять свое место у плавильной печи.

«То, что я делаю, — говорила мадемуазель Лабе, моя мать, — я делаю с открытыми глазами, не предаваясь пустым мечтам о легкой жизни. Я не собираюсь сидеть сложа руки и ждать, чтобы мне прислуживали. Матюрен уже разуверил меня на этот счет».

И все-таки, когда она стояла в тот день, 18 сентября 1747 года, рядом с женихом в церкви родной деревни Сен-Кристоф в Турени и смотрела сначала на родных — на богатого дядюшку Жорже и другого дядю, адвоката Тези, на своего отца, облаченного в парадное одеяние бальи, — а потом переводила взгляд туда, где стояли родственники жениха вместе с рабочими и их женами, которые бросали на нее подозрительные, чуть ли не враждебные взгляды, в ее душе, как она рассказывала впоследствии нам, детям, возникли сомнения; она отказывалась назвать это страхом.

«Мною владело чувство, — говорила она, — какое должен испытывать белый человек в окружении американских индейцев, зная, что, едва зайдет солнце, ему предстоит войти в их лагерь, с тем чтобы никогда больше не возвращаться назад».

На стеклоделах не было, конечно, боевой раскраски, однако их черные блузы и панталоны, а также плоские черные шляпы, которые все они надевали по праздникам, резко отделяли их от родни моей матери, придавая им вид каких-то сектантов.

Так же особняком держались они и позже, во время свадебного завтрака, который, в силу высокого положения Пьера Лабэ в Сен-Кристофе, был достаточно значительным событием — в нем принимала участие чуть ли не вся округа. Они стояли в стороне, сбившись в кучку. Перекинуться шуткой с другими гостями или сказать что-нибудь приятное им, должно быть, не позволяла гордость, поэтому они разговаривали, шутили и смеялись исключительно между собой, создавая немалый шум.

Совершенно свободно чувствовал себя лишь мсье Броссар, хозяин, у которого работал мой отец. Но ведь он был дворянин по рождению, и потом, кроме Брюлонери, ему принадлежали еще три-четыре стекловарни. Согласившись присутствовать на свадьбе, он оказал мое-

му отцу великую честь. И поступил так потому, что высоко ценил моего отца и намеревался через год-другой сделать его управляющим Брюлоннери.

Свадьба состоялась в полдень, так что счастливая чета и сопровождавший ее кортеж прибыли к месту свадебного пиршества — в противоположном конце Вандома — еще до полуночи. После того как был произнесен последний тост, моей матери пришлось снять элегантный подвенечный наряд, переодеться в дорожное платье и занять место — за компанию со всеми остальными — в одном из фургонов, в которых прибыли гости, для того чтобы отправиться в свой новый дом в лесах Фретваля. Господин Броссар с ними не поехал, его путь лежал в противоположном направлении. Мой отец Матюрен и моя мать Магдалена, а также сестра отца Франсуаза с мужем Луи Демере — он тоже был мастер-стеклодел — уселись впереди, рядом с кучером, а на задних скамьях, строго по старшинству, разместились мастера со своими женами: стеклодувы, плавильщики и флюсовщики; кочегары и сушильщики поместились во втором фургоне, а третий заполнили подмастерья под началом брата моего отца, Мишеля.

Всю первую половину путешествия, рассказывала моя мать, она слушала пение, ибо все стеклоделы были в какой-то степени музыкальны: они играли на разных инструментах, у них были свои собственные песни, в которых пелось о вещах, относящихся к их ремеслу. Напевшись вдоволь, они начали обсуждать, чем будут заняты завтра, а потом и всю неделю. Ее, нового человека, все эти дела несколько не занимали, и, когда стало смеркаться, она почувствовала такую усталость — от волнения, от мыслей о новой, неведомой жизни, — что заснула, положив голову на плечо мужа, и не просыпалась, пока кортеж не достиг лесов Фретваля, проехав через весь Вандом.

Проснулась она внезапно, ибо фургоны ехали уже не по мощеной дороге, и, открыв глаза, не увидела ничего, вокруг царил непроницаемый мрак. Не было видно даже звезд — ветви деревьев, переплетаясь, образовали сплошной свод, полностью закрывший от глаз небо. Под стать темноте была и тишина.

Фургоны двигались совершенно беззвучно по мягкой земле грунтовой дороги. По мере того как они углублялись в глухую лесную чащу, Магдалене снова пришла в голову мысль об индейцах и индейском лагере.

И вдруг, совершенно неожиданно, она увидела костры углежогов и впервые в жизни вдохнула запах обугленного дерева и золы, который будет сопровождать ее всю семейную жизнь, запах, который будет так хорошо знаком и нам, детям, ибо он проникнет в нас с первым же глотком воздуха и станет символом нашего существования.

Тишины уже больше не было. Среди чащоб в глубине леса задвигались человеческие фигуры, которые сразу же устремились к повозкам. Послышались громкие крики, раздался смех. «В этот миг, — рассказывала моя мать, — у меня действительно было такое ощущение, что я нахожусь в индейском поселении, ибо лачуги углежогов напоминали нечто вроде форпостов, опоясывающих стекловарню, а сами они, здоровенные парни, черные от копоти, с длинными, до плеч, волосами, первыми приветствовали меня, молодую жену, на новом месте. То, что я приняла за нападение на наши повозки, оказалось на самом деле приветствием».

Эти ее слова нас, детей, крайне удивляли, поскольку мы выросли рядом с углежогами, знали их всех по именам, смотрели, как они работают, бывали у них в домах, навещая их, когда они хворали; но моей матери, дочери балби из Сен-Кристофа, получившей деликатное воспитание и привыкшей к грамотной, правильной речи,

грубые крики этих диких лесовиков, нарушившие тишину глубокой ночи, показались не менее страшными, чем звуки самого ада. Они, конечно же, должны были посмотреть на нее при свете пылающих факелов, а потом мой отец с дружеским смехом помахал им рукой, пожелал доброй ночи, и повозки снова двинулись с поляны в лес по оставшемуся отрезку дороги, ведущей к стекловарне. Брюлоннери в то время состояла из плавильни, которую окружали разные нежилые строения: склады, горшечная мастерская и сушилки. За ними шел длинный ряд домишек для рабочих, а немного поодаль, за широким двором, располагались дома мастеров. Впервые в жизни увидев плавильную печь, моя мать решила, что случился пожар: в воздухе метались языки пламени, во все стороны летели искры — само извержение вулкана не могло бы выглядеть страшнее.

— Мы приехали как раз вовремя, — решительно сказала она.

— Вовремя для чего? — удивился отец.

— Чтобы тушить пожар, — ответила она, указывая на печь.

Через секунду мама поняла свою ошибку и готова была откусить собственный язык за то, что поставила себя в такое идиотское положение, едва успев ступить на землю стекловарни. Само собой разумеется, ее слова со смехом подхватили все ехавшие вместе с ней в фургоне, а потом они перелетели и в другие повозки, так что мамин приезд из чинного ритуала, когда встречающие расступаются перед новобранными, давая им дорогу, превратился в веселое шествие с толпой хохочущих людей к самой печи, для того чтобы она могла посмотреть на «пожар», который был источником их существования.

«Так я и стояла, — рассказывала она, — на пороге обширного сводчатого строения длиной около двадцати

двух локтей¹, в центре которого помещались две печи, закрытые, конечно, так что самого огня не было видно. Настало время перерыва — между полуночью и половиной второго, — так что некоторые рабочие спали где придется, прямо на полу, по возможности поближе к печи. Среди них попадались и дети. Бодрствующие пили из больших кружек крепкий черный кофе, который варили для них женщины. Тут же находились кочегары, обнаженные по пояс, готовые снова разжечь огонь в обеих печах для следующей смены. Мне казалось, что я попала в ад, что свернувшиеся клубочком дети — это жертвы, которые скоро бросят в чаны. Рабочие, пившие кофе, отставили свои кружки и воззрились на меня, то же самое сделали и женщины — все они ждали, что я стану делать».

«И что же вы сделали?» — спрашивали мы, ибо это была самая любимая часть рассказа и нам никогда не надоедало об этом слушать.

«Единственное, что можно было сделать, — отвечала она нам. — Сняла дорожную накидку, подошла к женщинам и спросила, не могу ли я им помочь варить и разливать кофе. Они настолько удивились моей смелости, что, не говоря ни слова, протянули мне кофейник. Возможно, это было не самое подходящее занятие для первой брачной ночи, зато после уже никто не мог сказать, что я неженка и белоручка, никто не смел дразнить меня дочкой бальи».

Мне-то кажется, никому и так не пришло бы в голову дразнить мою мать, что бы она ни сделала. Как говорил нам отец, даже в те дни, когда ей было всего двадцать два года, что-то в ее взгляде заставляло умолкнуть всякого, кто решался на какую-нибудь вольность. Она была очень высокой, на голову выше всех остальных женщин

¹ Во Франции эта мера длины равнялась примерно 1,2 м.

в поселке, стройная и широкоплечая. Даже мой отец, мужчина среднего роста, казался рядом с ней коротышкой. Свои белокурые волосы она убирала в высокую прическу, что подчеркивало горделивую осанку, которую мама сохранила на всю жизнь; мне кажется, это был предмет ее тайной гордости.

«Вот так я и вошла в тот мир, приобщилась к стекольному делу, — рассказывала она нам. — На следующее утро началась новая смена, и я видела, как мой молодой муж надевает свою рабочую блузу и направляется к плавильной печи, предоставив мне самой привыкать к запаху древесного дыма и виду окружавшего меня селения, обнесенного оградой, за которой тянулся лес, один только лес и ничего, кроме леса».

Когда поздним утром ее золовка Франсуаза Демере пришла к ней, чтобы помочь распаковать вещи, она увидела, что все уже распаковано и прибрано, белье и платья разложены по местам, а моя мать Магдалена отправилась в мастерские, чтобы поговорить с флюсовщиком — мастером, который готовит поташ. Она хотела посмотреть, как просеивают золу, смешивают ее с известью и закладывают в котел, чтобы там все это прокипело, прежде чем поступит к плавильщику.

Моя тетушка Демере пришла в изумление и негодование. Ее муж, мой дядя Демере, считался одним из самых важных людей на всем заводе. Он был мастер-плавильщик, а значит, готовил смесь для горшков, следил за тем, чтобы они были должным образом наполнены, прежде чем поступят в печь для очередной плавки. Но ни разу за всю их семейную жизнь тетушка Демере не любопытствовала, как ее муж готовит поташ, никогда не видела, как это делается.

— Первейший долг жены мастера — приготовить еду к тому времени, как муж придет с работы, — поучала она мою мать. — А еще заботиться о женщинах и детях мас-

теровых, которые работают под началом ее мужа. Ухаживать за ними, если заболеют. Работа на мануфактуре не наше дело.

Моя мать Магдалена с минуту помолчала. Она была достаточно благоразумна, чтобы не спорить с женщиной, столь хорошо знающей законы этого мира.

— Обед для Матюрена будет готов, когда он вернется домой с работы, — сказала она наконец. — А если я нарушила какое-нибудь правило, мне очень жаль. Прошу меня извинить.

— Дело тут не в правилах, — ответила тетушка Демере. — Это вопрос принципа.

Следующие несколько дней моя мать оставалась дома, чтобы не давать пицци для сплетен, но потом не смогла совладать со своей любознательностью и снова нарушила традицию. Она отправилась на мельницу, как ее называли, где глыбы кварца размельчались в порошок, который после тщательного просеивания становится основой стекольной массы. Прежде чем размельчать кварц, его необходимо перебрать, отделить от примесей, и этим как раз занимаются женщины; стоя на коленях вдоль ручья, они моют кварц в широких лотках. Моя мать Магдалена напрямик направилась к женщине, которая показалась ей старшей, назвала себя и спросила, нельзя ли ей тоже встать в ряд с остальными и научиться исполнять эту работу.

Должно быть, ее приход, не говоря уже о просьбе, вызвал немалое удивление, потому что ей ничего не сказали — просто позволили взять лоток и работать до полудня, когда мальчик ударил в огромный колокол и женщины, мужья которых должны были прийти с работы, отправились кормить их обедом. К этому времени, конечно, слух о случившемся разнесся по всему поселку — в таких местах это происходит очень быстро, — и когда мой отец, вернувшись домой, скинул рабочую блузу

и переоделся в воскресное платье, мама сразу поняла: что-то неладно. Вид у него был очень суровый.

— Я должен повидать мсье Броссара, — объявил он, — и объясниться по поводу твоего поведения. Он, наверное, все уже знает и ждет.

«Это был очень серьезный проступок, — говорила нам мать, — который мог оказать влияние на все наше будущее. И надо же было такому случиться в первую же неделю нашей совместной жизни!»

— Я совершила дурной поступок, работая с этими женщинами? — спросила она у мужа.

— Нет, — ответил он. — Но жена мастера занимает особое положение, более высокое, чем жены рабочих. Она не должна выполнять тяжелую и грязную работу. Это роняет ее в глазах других.

И снова матушка не стала спорить. Однако тоже переоделась и, когда отец пошел к мсье Броссару, отправилась вместе с ним.

Мсье Броссар встретил их в доме привратника, которым пользовался как приемной, когда приезжал на стекольную варню. Он редко задерживался в одном месте дольше дня-двух и в тот же вечер собирался ехать дальше. Он вел себя значительно сдержаннее, чем на свадьбе, говорила матушка, когда предложил тост за здоровье жениха и невесты и поцеловал ее в щечку. Теперь это был хозяин, владелец Брюлоннери, а мой отец — всего лишь мастер-стеклодув, работающий на его мануфактуре.

— Вы знаете, почему я послал за вами, мсье Бюссон? — спросил он. На свадьбе он называл отца Матюреном, но здесь, в стенах мануфактуры, отношения между хозяином и мастером сделались церемонными.

— Да, мсье Броссар, — ответил мой отец, — и я пришел извиниться за то, что произошло сегодня утром на мельнице. Моя жена, движимая любопытством, позволила себе позабыть о приличиях и о том, что ей не сле-

дует себя так ронять. Как вы знаете, она здесь всего неделю.

Мсье Броссар кивнул и обратился к моей матери:

— Вы скоро ознакомитесь с нашими обычаями и привыкнете с нашими традициями. Если встретятся какие-нибудь затруднения, если вы не будете знать, как следует поступить в том или ином случае, а мужа вашего не будет дома, вы всегда можете обратиться к вашей золовке, мадам Демере, которой отлично известны все стороны жизни на стекольной мануфактуре.

Он встал, давая понять, что аудиенция окончена. Мсье Броссар был человек невысокий, хотя держался с большим достоинством, и на мою мать ему приходилось смотреть снизу вверх — она была выше его.

— Позволительно ли мне сказать несколько слов? — спросила она.

Мсье Броссар поклонился.

— Разумеется, мадам Бюссон, — ответил он.

— Как вам известно, я дочь бальи, — начала она, — и мне с ранних лет приходилось наблюдать за работой отца. Мне случалось также помогать ему — приводить в порядок бумаги, готовить документы, необходимые для очередного процесса, — одним словом, я разбираюсь в законах.

Мсье Броссар снова поклонился.

— Я не сомневаюсь, что вы были ему хорошей помощницей, — заметил он.

— Это действительно так, — подтвердила моя мать. — И я хочу быть помощницей своему мужу тоже. Вы обещали сделать его в скором времени управляющим — либо здесь, либо на какой-нибудь другой мануфактуре, где он будет отвечать за всю работу. Когда это произойдет и когда ему придется отлучаться, я хочу быть в состоянии его заменить и руководить работой мануфактуры. Я не сумею этого сделать, не ознакомившись предвари-

тельно с тем, каким образом производится эта работа. Сегодня утром я получила свой первый урок на сортировке кварца.

Мсье Броссар с изумлением смотрел на мою мать, так же как и мой отец.

Она не дала им возможности что-нибудь сказать в ответ и продолжала свою речь.

— Матюрен, как вы знаете, все время придумывает что-то новое в своем ремесле, — говорила она. — Его голова занята всевозможными нововведениями. Вот и сейчас он думает не обо мне, а о какой-нибудь новинке. Когда он станет управляющим мануфактурой, то будет слишком занят новшествами и ему некогда будет заниматься текущими делами. Я намерена взять это на себя.

Мсье Броссар был в полном недоумении. Ни одному из его мастеров не случалось брать себе в жены такую решительную женщину.

— Мадам Бюссон, — сказал он, — все это очень похвально, однако вы забываете о первом и главном своем долге, о своей будущей семье.

— Я об этом не забываю, — возразила она. — Большая семья — это только часть моей работы. Благодарение богу, я достаточно сильна. Рождение и воспитание детей меня не беспокоит. Если вы считаете, что, работая вместе с другими женщинами, я уронила достоинство Матюрена, я больше не буду этого делать. Но если я вам это пообещаю, не сделаете ли и вы кое-что для меня? Я бы хотела знать, как ведутся конторские книги стекольной мануфактуры и как продается товар — я имею в виду сделки с торговцами. Мне кажется, что это весьма важная сторона дела.

Матушка добилась своего. Она не стала доискиваться, чему этим обязана — своей ли красоте или же силе воли и настойчивости (мне кажется, что и отец этого не знал), но не прошло и месяца, как в ее распоряжении

оказались все книги и счета, а мсье Броссар отдал распоряжение торговцам, владельцам лавок ознакомить ее со всем, что касается финансовой стороны дела. Возможно, он считал, что это лучший способ удержать ее дома, отвлечь ее внимание от рабочих и их жен. Все это, однако, не мешало ей вставать среди ночи вместе с другими женщинами, когда отец работал в ночную смену, идти через двор в стекловарню и готовить ему кофе. Это была традиция, которой она считала необходимым следовать, и мне кажется, за всю свою жизнь она не пропустила ни одной ночной смены. Я мало знаю о том, что думали о ней жены других мастеров, не питали ли они зависти к моей матери оттого, что она была умнее и образованнее их, или оттого, что к ней благоволил мсье Броссар, но мне кажется, что не питали. Ведь ни одна из них, если не считать тетюшку Демере, не умела ни читать, ни писать, и, конечно же, они не имели ни малейшего понятия о цифрах и о том, как вести конторские книги.

Впрочем, независимо от того, как относились к ней женщины, именно в первые годы ее пребывания в лесах Фретваля мама получила свое прозвище, которое сопровождало ее до конца дней и под которым она была известна не только в других местах, где им с отцом приходилось впоследствии работать, но и вообще повсюду, где занимаются нашим стекольным ремеслом.

В эти первые годы брака моего отца обуревали честолюбивые стремления. Он придумывал и создавал для Парижа, а также для сбыта на американском континенте лабораторную посуду и, кроме того, разнообразные приборы из стекла, которые использовались в химии и астрономии. Это было время, когда новые идеи получили быстрое и широкое распространение. Он всегда опережал свое время и в тот период своей работы в Брюлоннери сделал несколько интереснейших и цен-

ных находок: ему удалось создать изделия совершенно новой, необычной формы. Эти инструменты изготавливаются теперь во множестве, ими пользуются врачи и аптекари по всей Франции, и имени моего отца ныне никто уже не помнит, а вот сто лет тому назад каждый аптекарь во Франции, покупая лабораторный инструмент, стремился найти именно то, что было изготовлено в Брюлоннери.

Продукция Брюлоннери пользовалась спросом и среди парфюмеров. Придворные дамы желали иметь на своем туалетном столике флаконы и флакончики самой затейливой формы, и чем изящнее, тем лучше, ибо в те поры влияние госпожи Помпадур на короля было безгранично и в великосветских кругах царила самая изысканная роскошь. Мсье Броссар, которого со всех сторон осаждали парфюмеры, желавшие составить себе на этом состоянии, умолял моего отца забыть на время про научные инструменты и придумать такой флакон, который удовлетворил бы требованиям самых знатных покупателей.

Все началось с шутки. Отец попросил мою маму постоять перед ним, чтобы он мог сделать набросок с ее фигуры. Голова, прямые широкие плечи, столь необычные для женщины, высокая изящная фигура, стройные бедра. Он сравнил свой рисунок с последним эскизом аптекарской бутылки, которую собирался пустить в производство, — контуры совпадали почти полностью.

«Я понимаю, в чем тут дело, — сказал он моей матери. — Я-то считал, что эскиз построен на основе математических расчетов, а на самом деле я просто работал по вдохновению, потому что думал все время о тебе».

Он надел рабочую блузу и отправился в мастерскую к своей печи и своим чанам. Никому и до сей поры не известно, что послужило моделью новому изделию — аптекарская бутылка или фигура моей матери (отец го-

ворил, что последняя), но только этот флакон, который он изготовил для парижских парфюмеров, был восторженно принят как продавцами, так и покупателями. Во флакон наливалась туалетная вода под названием «Королева Венгрии» в честь Елизаветы Венгерской, которая сохранила свою красоту до глубокой старости, до семидесяти лет. Отец очень смеялся и рассказал об этом всем своим друзьям в мастерской и в поселке. Матушка была немало раздосадована, но, как бы то ни было, с этого момента она стала Королевой Венгерской, под каковым прозвищем и была известна всем и каждому занятому в стекольном деле вплоть до самой революции, после которой превратилась в гражданку Бюссон, благоразумно отказавшись от королевского титула.

И все-таки порой о нем вспоминали. Чаще всего — мой младший брат Мишель, когда ему хотелось быть особенно язвительным. Он, бывало, говорил своим рабочим, стараясь, чтобы слышала матушка, что, как известно всему Парижу, трупы знатных дам, чьи головы только что скатились в корзину гильотины, пахнут туалетной водой, которую сорок лет назад своими чудесными ручками разливала по флаконам хозяйка некоей стекольной мануфактуры на потребу версальским прелестницам.

Глава вторая

В числе знакомых мсье Броссара был маркиз де Шербон, чьи предки построили в прошлом веке небольшую стекольную мануфактуру в своих владениях, прилежащих к замку Шериньи, который располагался всего в нескольких лье от Шену, родной деревни отца, и Сен-Кристофа, родины моей матери. Стекловарная печь этой мануфактуры находилась в довольно плачевном состоянии из-за небрежения и неумелого использования, а маркиз

де Шербон, который незадолго до описываемых событий унаследовал это имение и одновременно женился, решил привести заводик в порядок, с тем чтобы получать от него доход. Он посоветовался с мсье Броссаром, который тут же порекомендовал ему моего отца в качестве арендатора и управляющего, считая, что для того это будет прекрасной возможностью попробовать свои силы в новом качестве. Он сможет проявить себя не только как отличный мастер своего дела, но и как человек, способный направлять работу других, сделав предприятие прибыльным и процветающим.

Маркиз де Шербон остался очень доволен. Он был уже знаком с моим отцом, знал и Жорже из Сен-Патерна, который приходился дядюшкой моей матери, и был уверен, что управление мануфактурой попадет в надежные руки.

Мои родители приехали в Шериньи весной 1749 года, и здесь в сентябре родился мой брат Робер, а три года спустя — второй мой брат, Пьер.

Обстановка там была совершенно не та, что в Брюлоннери. В Шериньи стекловарня находилась в самом поместье знатного землевладельца и состояла из небольшой плавильной печи, окруженной хозяйственными строениями, возле которых ютились домишки работников, — все это сравнительно недалеко от шато. Работников было немного — не более четверти того числа, что было занято в Брюлоннери, и вообще, Шериньи можно было считать семейным предприятием, поскольку маркиз де Шербон вникал во все, что делалось на заводе, хотя сам никогда не отдавал распоряжений.

Мой дядюшка Демере остался в Брюлоннери, а вот брат отца, Мишель Бюссон, перебрался вместе с моими родителями в Шериньи, а его сестра Анна вскоре вышла замуж за Жака Вио, мастера-плавильщика в Шериньи. Все члены маленькой общины были тесно связаны

между собой, однако различия в их положении по-прежнему соблюдались весьма строго, и мои родители жили отдельно от всех остальных, в фермерском доме, который носил название Ле-Морье и находился примерно в пяти минутах ходьбы от стекловарни. Это не только позволяло им жить обособленно, своей небольшой семьей, чего они были лишены в Брюлоннери, но и ставило их на более высокую ступень иерархии, которая так строго соблюдалась в корпорации стеклоделов.

В то же время для матушки это означало лишнюю работу. Помимо ведения счетов и переписки с торговцами — эти обязанности она взяла на себя, — на ее попечении оказалась еще и ферма: надо было следить, чтобы коров вовремя подоили и выгнали на пастбище, заботиться о птице, наблюдать за тем, как колют свиней, как пашут, сеют и убирают урожай с полей, принадлежащих ферме. Впрочем, все это ее не смущало.

После целого дня хлопот по дому и по хозяйству на ферме она способна была написать письмо на три страницы по поводу цены на партию товара, отправляемого в Париж, потом бежать и варить кофе отцу и остальным мастерам, работающим в ночную смену, вернуться домой, поспать час-другой, а потом встать в пять часов, чтобы присмотреть за утренней дойкой.

То, что она в это время носила, а потом кормила моего брата Робера, ни в малейшей степени ей не мешало. Здесь, в Ле-Морье, она была свободна, могла устроить свою жизнь так, как считала нужным. Здесь некому было следить за ней придирчивым взглядом, осуждать или обвинять в нарушении традиций или обычаев, а если родственники мужа и осмеливались это делать, то она ведь была женой управляющего и у них быстро пропала охота повторять свои попытки.

Одним из приятнейших обстоятельств жизни моих родителей при заводе в Шериньи была благосклонность

к ним маркиза де Шербона и его жены. В отличие от других аристократов того времени, эти последние почти безвыездно жили в своем имении, никогда не бывали при дворе и пользовались любовью и уважением своих арендаторов и крестьян. Маркиза в особенности любила мою мать Магдалену: они были приблизительно одного возраста, к тому же де Шербоны поженились всего на два года раньше моих родителей. Когда матушке удавалось улучшить минутку, свободную от домашних или хозяйственных дел, она отправлялась в шато, взяв с собой моего брата, и молодые женщины — моя мать и маркиза — вместе читали, пели или играли, в то время как Робер ползал по ковру у их ног, а потом делал первые неверные шаги, ковыляя от одной к другой.

Мне всегда представлялось важным то обстоятельство, что первыми воспоминаниями Робера — он любил о них рассказывать — были не дом на ферме Ле-Морье, не мычание скотины, квохтанье кур или какие-нибудь другие звуки сельской жизни и даже не рев пламени стекловарной печи, но всегда только громадный салон, как он называл эту комнату, весь в зеркалах, с обтянутой атласом мебелью, с клавикордами, стоящими в уголке, и изящная дама — не матушка, — которая брала его на руки и целовала, а потом кормила сахарным печеньем.

«Ты не можешь себе представить, — говорил он мне, — как живы до сих пор эти воспоминания. Как восхитительно было сидеть на коленях у этой дамы, трогать ее платье, вдыхать запах ее духов! А потом она, бывало, спустит меня с колен и хлопает в ладоши, пока я ковыляю с одного конца огромной — так мне казалось — комнаты до другого. Высокие стеклянные двери выходили на террасу, а от террасы во все стороны шли тропинки, ведущие неведомо куда. У меня было такое чувство, что все это мое: шато, парк, клавикорды и эта прекрасная дама».

Если бы только матушка знала, какое зерно желаний она заронила в душу моего брата, во все его существо, зерно, выросшее впоследствии в стремление к знатности и богатству, едва не разбившее сердце моего отца и, конечно же, приблизившее его кончину, она не стала бы так часто брать Робера в шато, где его ласкала и кормила сластями маркиза. Она оставляла бы его на дворе фермы Ле-Морье, и он играл бы там с курами и поросятами.

Моя мать была виновата. Но могла ли она в то время предвидеть, что это баловство окажет столь губительное влияние на ее первенца, которого она так безумно любила? Что могло быть естественнее, чем воспользоваться гостеприимством доброй и милостивой дамы, маркизы де Шербон?

Надо сказать, матушка ценила дружбу маркизы не только ради удовольствия, которое находила в ее обществе, но и потому, что это позволяло ей замолвить при случае словечко за моего отца, рассказать о его честолюбивых устремлениях, о его надеждах занять со временем такое же положение, какого добился мсье Броссар, — который, разумеется, был крестным отцом Робера, — то есть стать управляющим самого лучшего во всей Франции стекольного завода, а то и нескольких сразу.

«Мы понимаем, что на это потребуется время, — говорила матушка маркизе, — но ведь уже и сейчас, с тех пор как Матюрен стал управляющим в Шериньи, поставки товара в Париж увеличились вдвое, и нам пришлось нанять еще работников, а сам наш завод удостоился упоминания в „Торговом календаре“».

Матушка не хвасталась. Это была чистая правда. Стекольный завод в Шериньи зарекомендовал себя как самая значительная из «малых мануфактур», как их тогда называли в нашем ремесле, производящих стеклянную столовую посуду, а также бокалы и графины для вина.

Маркиз де Шербон и мсье Броссар, объединив усилия, занялись устройством все новых стекольных мануфактур не только в Брюлоннери, где управляющим был мой дядюшка Демере совместно с отцом, который работал одновременно и там, и в Шериныи, но и в Ла-Пьере, Кудресье, расположенном в самом сердце лесов Ла-Пьера, и Вибрейе. Это было огромное имение, принадлежавшее одной вдове, мадам ле Гра де Люар. Здесь маркиз де Шербон сделал временным управляющим моего дядю Мишеля Бюссона, который женился на племяннице дядюшки Демере, однако дядя Мишель — отличный гравировщик по хрусталу — оказался никудышным управляющим, и завод в Ла-Пьере начал хиреть и приносить сплошные убытки.

Примерно в это время, где-то между рождением моих братьев Пьера, в 1752 году, и Мишеля, в 1756-м, маркиза де Шербон умерла родами, к великому горю моей матери. Маркиз вскоре снова женился — чего мама никогда не могла ему простить, хотя неизменно сохраняла почтительное к нему отношение, — взяв жену из соседнего с Кудресье прихода. Земли нового тестя соседствовали с его обширными угодьями, принадлежавшими мадам ле Гра де Люар в Ла-Пьере, и маркизу, естественно, не хотелось мириться с тем, что тамошний завод работает в убыток. После многомесячных переговоров между всеми заинтересованными лицами мой отец отважился на решительный и смелый шаг. Взяв в партнеры дядюшку Демере и одного парижского купца, Элюа де Риша, он откупил аренду у маркиза де Шербона и стал таким образом самостоятельным арендатором мадам ле Гра де Люар, которая, к счастью для моих родителей — потомство их разрасталось, — не захотела жить в имении, унаследованном после покойного мужа.

Договор аренды, который входил в силу в День Всех Святых 1760 года, давал моим родителям право исполь-

зовать в течение девяти лет стекловарню, расположенную в поместье, включая все относящиеся к ней службы, а также рубить и жечь лес, потребный для производства, и жить в шато. За все это им полагалось уплатить восемьсот восемьдесят ливров и в добавление к этому поставить мадам ле Гра де Люар восемь дюжин стаканов, рюмок и бокалов для ее стола. Мой дядя Демере не собирался расставаться с Брюлоннери, мсье Элюа де Риш жил в Париже, и мои родители получили в свое распоряжение огромное шато в Ла-Пьере. Какая перемена после фермерского дома в Ле-Морье и скромного жилища мастера в Брюлоннери!

Мне кажется, тень покойной маркизы де Шербон все еще витала над моей матерью, когда она поднималась в качестве хозяйки по широкой лестнице и открывала одну за другой огромные, расположенные анфиладой комнаты, которыми могла теперь распоряжаться по собственному усмотрению. Для себя и мужа она выбрала просторную спальню, которая смотрела окнами в парк, переходящий в бескрайний лес. Она знала, что здесь будут расти ее дети, которые смогут свободно бегать и играть где им заблагорассудится, как это делали дети живших здесь прежде сеньоров. У них будет даже больше свободы, ибо ее не стеснят ни пудренные камердинеры, ни лакеи, ни повара, которые могли бы им что-нибудь запретить, ведь за порядком будет следить только она сама да две-три женщины, жены работников стекловарни, которых она решила нанять себе в помощь. Половина комнат в шато оставались нежилыми, мебель там была покрыта чехлами от пыли, но в них далеко не всегда царило безмолвие, мои братья с криками бегали по всему дому, гонялись друг за другом по огромным комнатам, уставленным мебелью, аукались в коридорах, залезали даже на чердак под массивной крышей.

Для Робера, в то время уже десятилетнего мальчугана, Ла-Пьер стал воплощением всех его мечтаний и даже превзошел их. Он не только жил в шато, которое было больше и роскошнее Шериньи, — дом принадлежал его родителям, они были там хозяевами; по крайней мере, так считал Робер. Он ухитрился тем или иным способом завладеть ключом от парадной залы, сняв его со связки матери, и забирался туда потихоньку от всех. Откинув полотняный чехол, он усаживался в парчовое кресло и воображал, что пустая безмолвная комната полна гостей, а сам он — созвавший их хозяин.

У Пьера и Мишеля таких фантазий не водилось. Под самыми окнами их комнаты начинался лес, и им ничего больше не требовалось, в особенности Пьеру. В отличие от уютных рощ и перелесков Шериньи, пересеченных широкими дорожками, здешние леса были густы, суровы и даже опасны, они простирались насколько хватало глаз, если смотреть из окна сторожевой башни шато. Там водились дикие кабаны и, возможно, даже разбойники. Пьер постоянно попадал во всякие переделки: он забирался на самые высокие деревья и падал оттуда; его постоянно приходилось переодевать, так как он то и дело оказывался в воде, свалившись в какой-нибудь ручей; приносил домой птиц, летучих мышей, хомяков и лис, прятал их в пустых комнатах и пытался приручить, вызывая тем самым немалый гнев матушки.

Здесь, в Ла-Пьере, матушка была хозяйкой стекловарни, а также хозяйкой и хранительницей шато. Она отвечала не только за благополучие всех работников и их жен — коих насчитывалось не менее сотни, не считая углежогов, живших в лесах, — но также за целостность и сохранность всего того, что находилось в пределах шато. Шалости сыновей отнюдь не облегчали эту задачу, хотя Робер обучался французскому языку и латыни — благодаря рекомендации мсье Броссара и маркиза де Шербона

ему давал уроки кюре из Кудресье, у которого в то же самое время обучался сын мадам ле Гра де Люар. У моей матери умерли в младенческом возрасте двое детей, мальчик и девочка, и только после этого, в 1763 году, родилась я, а вслед за мной, через три года, — моя сестра Эдме. Она стала последним прибавлением в нашем дружном семействе, где все были очень привязаны друг к другу — старшие братья попеременно то дразнили, то ласкали младших сестреноч.

Если порой и возникали разногласия между родителями и детьми, то причиной обычно служило заикание моего брата Мишеля. Мы с сестрой не знали того времени, когда он не заикался, и не придавали никакого значения запинкам в его речи, думая, что так и должно быть, но матушка рассказала нам, что заикаться он стал после того, как появились на свет его маленькие сестренка и братишка — Франсуаза и Проспер. Они родились один за другим и вскоре же умерли, когда Мишелю было года четыре-пять.

Произошло ли это оттого, что малыш видел, как они родились, как мать кормила их грудью и как они внезапно исчезли, причинив матери большое горе, или была какая-то другая причина, сказать никто не мог. Дети не говорят о таких вещах. Возможно, Мишель боялся, что исчезнет, как исчезли они, и с ними вместе пропадет все, что он знает и любит на свете. Во всяком случае, он стал сильно заикаться приблизительно в это время, вскоре после того как родители переселились в Ла-Пьер, и они ничего не могли сделать, для того чтобы он излечился. Мишель был необычайно умен, у него были блестящие способности, если не считать этого недостатка, и мои родители, особенно отец, приходили в отчаяние, глядя, как сын бьется, не в силах ни вдохнуть, ни выдохнуть, словно подражая судорогам, сопровождавшим смерть несчастных младенцев.

«Он делает это нарочно, — строго говорил отец. — Он может говорить совершенно правильно, если только пожелает». Отец отсылал Мишеля прочь из комнаты, давая ему книгу, с тем чтобы мальчик выучил наизусть большой кусок из нее, а потом ответил без запинки. Однако это ни к чему хорошему не приводило. Мишель упрямялся и бунтовал, а иногда убегал и скрывался на долгие часы, отсиживаясь у углежогов, которые охотно давали ему приют. Им-то было безразлично, заикается он или нет, они забавлялись, обучая его всяким грубым простонародным словечкам, чтобы посмотреть, как он их выговаривает.

Мишеля, разумеется, за это наказывали. Отец был очень строгим воспитателем, но матушка иногда заступалась за мальчика, и тогда ему позволяли пойти с отцом в стекловарню и смотреть, что там делается и как идет работа, — а это ему нравилось больше всего на свете. Мы с сестрой Эдме были значительно младше братьев, и наша жизнь шла совершенно иначе. С нами, девочками, отец всегда был ласков и нежен, сажал нас к себе на колени, привозил нам подарки, когда ему случалось ездить в Париж, смеялся и пел вместе с нами, участвовал в наших играх — словом, мы были для него единственным развлечением, с нами он отдыхал от трудов и забот.

С мальчиками все было по-иному. Они должны были вставать, когда отец входил в комнату, не смели сесть, пока не сядет он, и за столом помалкивали — им разрешалось только отвечать, когда к ним обращались. Когда в свой черед братья становились подмастерьями в стекловарне, они были обязаны выполнять все правила. С них спрашивали строже и заставляли работать больше, чем сыновей других мастеров, — подметать, например, пол в мастерской и делать другую черную работу.

Мой брат Робер, несмотря на то что он получил великолепное образование под руководством доброго кюре

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	5
Часть первая. КОРОЛЕВА ВЕНГЕРСКАЯ	19
Часть вторая. ВЕЛИКИЙ СТРАХ	125
Часть третья. БЕШЕНЫЕ	217
Часть четвертая. ЭМИГРАНТ	358
Эпилог	428

Литературно-художественное издание

ДАФНА ДЮМОРЬЕ
ХРУСТАЛЬНЫЙ КУБОК,
ИЛИ СТЕКЛОДУВЫ

Ответственный редактор Оксана Сабурова
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Юлия Теплова, Маргарита Ахметова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 26.09.2018. Формат издания 84 × 108^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 2500 экз. Усл. печ. л. 22,68. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

A-AUM-18736-01-R